

М.В. РАБЖАЕВА

ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ XX ВЕКА

РАБЖАЕВА Марина Викторовна - старший преподаватель кафедры социальной работы и социальных наук Санкт-Петербургского Института психологии и социальной работы.

История семьи в России, как впрочем, и в других странах мира, связана с социальными, экономическими и политическими процессами модернизации обществ. Урбанизация и индустриализация влияли не только на социально-экономические аспекты индивидуальной, семейной и общественной жизни, но и на характер и способ ведения домохозяйства, внутрисемейные отношения, демографическое поведение, структуру и размер семей, способствовали становлению малых или нуклеарных форм семьи¹, состоящих из родителей и несовершеннолетних детей. Собственно, преобладание тех или иных форм семьи служит одним из показателей уровня модернизации. В постиндустриальных обществах семья также эволюционирует: исследователи говорят о падении нравственно-этических норм и изменении устоявшихся представлений о семье, о нестабильности браков, превращении в норму и росте числа неполных семей, снижении роли семьи в социализации детей и т.д. [1, с. 2].

Распространено мнение, что в доиндустриальных обществах семьи были расширенными и/или составными по количеству и структуре. Однако исследования социальных историков и социологов убедительно доказали, что семья в доиндустриальных обществах не была автономной структурой, островком частной жизни индивидов, каковой является сейчас, и включалась в более широкие социальные структуры - родовые, общинные, цеховые и т.д. Используя экономические понятия производства (товаров/услуг) и воспроизводства (рабочей силы), семью в доиндустриальных обществах можно определить скорее как институт производства, чем воспро-

изводства. Соответственно, социализация детей не только не была основной функцией семьи, но зачастую вообще не являлась семейной функцией.

Развитие и изменение семьи как социального института чаще всего связывают с вопросами стабильности обществ, видя в семье основной институт трансляции социальных ценностей от поколения к поколению [1, с. 3; 3, с. 2] и/или единственно легитимную социальную норму организации сексуальных практик и воспроизводства. Однако семья отнюдь не всегда была институтом социализации детей и "естественной и основной ячейкой общества"³. Развитие института семьи под влиянием модернизационных процессов способствовало оформлению частных социальных отношений и частных форм организации жизни (в противовес оформлению публичных форм организации труда), повышению индивидуализации членов семьи, становлению более демократичных отношений между супругами, родителями и детьми, другими членами семьи.

В рамках данной статьи будут рассмотрены два аспекта развития института семьи в России: 1) становление малой (нуклеарной) семьи; 2) практики влияния государственной социальной политики на институт семьи и внутрисемейные отношения в XX в.

В России с первой четверти XVIII в. и вплоть до начала XX в. формы семейной жизни во всех сословных группах постепенно менялись. Сначала дворянство, а затем и интеллигенция прошли путь от составной, сложной к малой семье [4, с. 266], так что к концу XIX в. малая семья в России стала основной и единственной массовой формой организации семейной жизни в городе. Среди крестьянства вплоть до XVIII в. понятие семьи было тождественно понятию "дом" в значении домохозяйство, поэтому семьей считалась группа родственников (и неродственников), которая проживала в одном доме и вела совместное хозяйство. По мнению социальных историков, в России имперского периода среди крестьянства малая семья стала преобладать только после реформ 60-х гг. XIX в., а до этого массовой формой семейной организационной структуры была составная семья [4, с. 221].

Таким образом, к началу XX в. малая семья в России стала распространенной, а главное - легитимной формой семейной жизни. Однако изменение характера внутрисемейных отношений, основанных на патриархатно-авторитарной семейной системе⁵, эмансипация женщин и детей происходили очень медленно. Патриархатно-авторитарная семейная система предполагала, во-первых, господство и контроль мужчин над женщинами, старших над младшими, т.е. строгую половозрастную иерархию с контролем главы семьи над всеми домочадцами, и, во-вторых, приоритет семьи как целого над индивидуальными запросами и интересами ее членов. Поэтому патриархатная семья не являлась и не могла быть детоцентристской. Внутрисемейные отношения во многом сохраняли традиционные черты среди дворянства и интеллигенции. Даже среди образованных людей индивидуализм, соблюдение частного пространства личности не были распространенной повседневной практикой. С учетом же того, что Россия вплоть до середины XX века оставалась крестьянской страной, а "в изживании архаических форм семейной организации город обгонял деревню примерно на 50 лет, т.е. на два поколения, ...возможно и на три" [4, с. 236], очевидны медленные темпы демократизации и эмансипации семейных отношений в России на рубеже XIX-XX вв.

В Советской России семья, с одной стороны, наследовала прежний авторитарно-патриархатный стиль внутрисемейных отношений, а с другой, стремительно модернизировалась под воздействием трансформационных импульсов нового государства. Воздействие целенаправленной государственной политики на семейные структуры и формы внутрисемейных отношений отмечено многими исследователями [1, с. 2; 9, с. 9; 10, с. 43-49]. Советская социальная политика в отношении института семьи, как отмечает СВ. Дармодехин, "...всегда была ограниченной, не носила системного характера, отождествлялась с социальной политикой. Институциональные интересы семьи в государственной деятельности специально не выделялись и не учитывались" [1, с. 3]. Однако отсутствие системной, целостной и целенаправленной семейной политики отнюдь не означало отсутствия намеренных и ненамеренных воздействий на семью со стороны государства. Семейная политика основывалась на идеологии равенства (классового и полового) и отрицании буржуазных форм брака и семьи, была сосредоточена на регуляции брачно-семейных отношений работающих женщин, вопросах охраны и материальной поддержки материнства и детства.

Выделяется несколько принципиально разных по своей направленности и влиянию на внутрисемейные отношения и структуру семьи периодов в истории социальной политики советского государства.

Первый период (1917 г. - середина 20-х гг.) часто называют временем радикального переустройства института семьи и сексуальной революции в России [11, с. 112]. Он характеризуется

либеральным законодательством и легитимацией ряда запрещенных в имперский период индивидуальных, в том числе сексуальных, прав и свобод.

Советская власть декретом "О гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния" 1917 г. утвердила единую⁷ процедуру гражданской, светской регистрации брака, отменив церковную регистрацию, бытовавшую до революции в качестве единственно легитимной и легальной. Было узаконено формальное равенство женщин и мужчин во всех сферах жизни, в доступе к работе, образованию, социальным услугам и благам. Россия была не только одной из первых стран мира, провозгласившей равенство полов⁸, но и первой страной, в которой начала проводиться направленная социальная политика по созданию условий для реализации равных прав и равных возможностей для женщин. Благодаря этому в СССР на практике была создана одна из первых эмансипаторских в отношении женщин и детей систем социального обеспечения⁹.

Эмансипации женщин во многом способствовали введение облегченной процедуры развода¹⁰ и легализация абортов. В 1917 г. с принятием декрета "О расторжении брака" процедура развода стала светской и доступной. Дела о разводах, возбужденных в одностороннем порядке, были переданы из церковного ведения в ведение местных судов. Принятый в 1920 г. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве упрощал процедуру развода: по взаимному согласию он происходил в ЗАГСе, а по заявлению одного из супругов - в суде. В суде дела слушались без участия заседателей, а в случае неявки обоих супругов - заочно [12, с. 74, 76].

Постановление Наркомата здравоохранения и Наркомата юстиции 1920 г., разрешавшее искусственное прерывание беременности в медицинских учреждениях, было первой в европейской истории практикой легализации абортов¹¹. Как бы ни оспаривали сторонники движения "pro life", это было большим шагом в эмансипации российских женщин, ибо позволяло им самим контролировать собственную сексуальность и фертильность. Надо отметить, что введение бесплатного аборта в медицинском учреждении с обеспечением "максимальной безвредности" для здоровья [13] было благом для большинства российских женщин, живших в нужде, страдавших от сложностей быта и отсутствия постоянного и надежного партнера. Так, в 1925 г. 60,4% женщин, сделавших аборт в Ленинграде, объясняли свой поступок крайней нуждой [14, с. 189]. Как указывает Н.Б. Лебина, потребность в бесплатных абортах была столь велика, что в Ленинграде в 1924 г. вышло постановление о формировании абортных комиссий, которые устанавливали очередность на производство бесплатной и легальной операции аборта в медицинских учреждениях. Приоритетом пользовались работницы ленинградских заводов [14, с. 189].

Среди эмансипаторских мер советской социальной политики в отношении женщин и детей стоит указать пропаганду и частичную реализацию освобождения женщин от "быта" (снятие и разделение с государством ответственности женщин за рекреационные функции семьи и социализацию детей). В 20-х гг. появились теоретические работы Александры Коллонтай, в которых ставился вопрос о необходимости введения специальной государственной политики в отношении семьи и женщин [15]. А. Коллонтай, впитав феминистские идеи начала XX века¹³ о глубоко неравных, патриархатных отношениях в семье и обществе, предлагала отказаться от традиционных форм семьи и семейной жизни. Она писала о необходимости "революции быта", реорганизации частной и семейной жизни путем социализации домашнего труда (включении женщин в производство, оказании материальной поддержки матерям, организации общественных столовых, прачечных, ремонтных мастерских, яслей, детских садов) [15, с. 170-173].

Однако между революционными риториками о равенстве женщин и мужчин и их воплощением существовали значительные расхождения. При упрощении процедуры развода, неразвитости социальных служб и отсутствии обязательной и фиксированной поддержки со стороны государства женщины, особенно с несовершеннолетними детьми, были экономически зависимы от своих мужей. В городе и деревне оставленные (разведенные) матери с несовершеннолетними детьми вели нищенское существование.

Проблема усугублялась введением в семейный кодекс 1918 г. дореволюционной, распространявшейся ранее на дворян и городское сословие имперской нормы о раздельном владении супругами имуществом¹⁴. Однако распространение норм, защищавших ранее экономические интересы женщин привилегированных классов, на все население страны привело к неожиданным результатам. В случае развода ущемлялись интересы неработающих женщин, ибо они, не имея собственного дохода и имущества, не имели права и на семейное имущество, заработанное мужем в браке, ибо согласно кодексу 1918 г. брак не создавал общности имущества супругов. Это

приводило к сильной экономической зависимости женщин (особенно с детьми) от мужей, ибо подавляющее большинство женщин в 20-х гг. не работали и не имели собственных доходов.

Ситуация изменилась только в 1926 г., когда был принят новый Кодекс о браке, семье и опеке (КЗобСО), заменивший раздельность супружеского имущества его общностью. Супруги, не имевшие самостоятельного дохода, получали права на часть имущества семьи. Помимо этого Кодекс вводил единый брачный возраст для женщин и мужчин - 18 лет (Декрет о браке 1917 г. устанавливал возрастную норму для женщин в 16 лет, а для мужчин - в 18 лет); придавал правовое значение фактическим брачным отношениям (что, однако, привело к правовой неопределенности, так как не регулировались вопросы параллельного существования нескольких фактических сожительств или зарегистрированного брака и фактического); упрощал процедуру развода: развод производился в ЗАГСе, а не в суде, и в заявительном одностороннем порядке (второму супругу(е) лишь сообщалось о факте развода, его присутствие при разводе было необязательным); восстанавливал институт усыновления.

В целом, по мнению С. Чуйкиной [11, с. 112], семейная идеология тех лет характеризовалась двумя важнейшими принципами: 1) декларированным стремлением к достижению равенства возможностей мужчин и женщин в профессиональном плане и равенства ответственности в семейной жизни и в родительстве; 2) принципиальной открытостью публичных дискуссий о семье, любви, сексе¹⁵. Однако это было лишь декларированное равенство, ибо реалии семейных практик при облегчении процедуры развода вели к полному переносу ответственности за детей на женщин. Кроме того, у строящегося советского государства не было ресурсов для осуществления объявленных программ по освобождению женщин от быта и от ответственности за воспитание детей.

Таким образом, первый период в истории советской социальной политики характеризовался многоукладностью и разнообразием форм семейной жизни. Апробировались и легализовывались как разные формы семейных союзов (гражданский брак, гомосексуальные союзы, тройственные союзы, семьи-коммуны, и т.д.), так и государственные практики социальной поддержки матерей и несовершеннолетних детей [17, с. 214-216].

Конец политики сексуальных свобод и социального экспериментаторства в сфере семьи, как указывает И.Н. Тартаковская, был ознаменован появлением статьи директора института Маркса-Энгельса Дмитрия Рязанова «Маркс и Энгельс против "вульгарного коммунизма" и половой вседозволенности (1927 г.)» [17, с. 214-216]. В этой и в ряде других официальных публицистических статей осуждалась сексуальная свобода, разврат, невоздержанность; поднимались вопросы защиты прав матерей с несовершеннолетними детьми.

Однако отношение к либеральным свободам стало меняться несколько ранее, когда в 1926 г. в прессе "поднялась волна" по так называемому Чубаровскому делу - случаю группового изнасилования рабочими молодой крестьянки, приехавшей учиться в Ленинград (этот случай произошел в Чубаровом переулке в Ленинграде). В прессе появились многочисленные статьи, обзоры, отклики читателей и даже стихи, осуждавшие случившееся и требовавшие сурового наказания для насильников. К этому времени криминал в Ленинграде в основном был взят под контроль, а общество вышло из состояния аномии и стало относиться к подобным преступлениям против личности как к нетерпимым девиациям. Разгул насилия и сексуальная разнузданность, царившие в обезлюдевшем и обессиленном городе в 20-е годы, стали неприемлемы в ходе "строительства" Ленинграда как индустриального и образовательного центра советского государства. Советскому государству для осуществления проекта эмансипации женщин, вовлечения их в стремительно индустриализирующуюся экономику, необходимо было обеспечить безопасность молодых женщин на производстве, в общественной сфере. Изнасилование, тем более групповое, принимало характер антисоциального акта, подрывающего доверие к новому социальному порядку.

Ужесточение моральных норм и ограничение сексуальных свобод сказались и на отношении к абортам. В 1926 г. были полностью запрещены аборты женщинам, забеременевшим впервые или перенесшим эту операцию менее полугода назад. Попутно, с середины 20-х гг. началась кампания против абортов, в ходе которой осуждался эгоизм нерожающих женщин, вред операции аборта для женского организма¹⁷. Следующим шагом по пути ограничения доступности аборта стало введение платы за эту операцию. Отказ государства от контроля над фертильностью был связан, с одной стороны, с тотальной нехваткой ресурсов, необходимых для реализации утопичной социальной политики первых лет Советской власти. С другой стороны, можно предположить, что сам масштаб востребованности абортных операций был большой неожиданностью для настроенных вполне традиционно и патриархально первых советских правителей и законодателей¹⁹. Далее последовало введение полного запрета на аборт

в советских медицинских учреждениях и уголовной ответственности за криминальный аборт для самой женщины, врача, лиц, выполнявших посреднические функции.

Так в середине 20-х - начале 30-х гг. начался *второй период* в истории советской социальной политики, продолжившийся вплоть до середины 50-х гг. Исследователи характеризуют его как период введения репрессивного законодательства в отношении семьи, сексуальности и ответственности женщин и мужчин за сексуальные отношения и родительство [11, с. 113]. По мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей введение репрессивных мер в семейную политику было связано с необходимостью увеличения рождаемости. Однако помимо этого собственно "демографического" объяснения существует и другое - "стратегическое". Советское государство стояло перед сложной задачей создания индустриальных рабочих из крестьян, ставших "новыми горожанами". Для этого их надо было убедить в приоритетности интересов государства перед интересами индивидов и их семей. Изменение социальной политики было связано с установлением не только нового, коммунистического социального порядка, но и новой трудовой дисциплины в стремительно индустриализовавшемся обществе.

Именно в 30-е гг. получила широкое распространение малая (нуклеарная) семья. Ее появление - это своего рода "побочный" продукт сталинской индустриализации, связанный с характерной для индустриальных обществ тенденцией к индивидуализации частной жизни и масштабным миграциям. Постепенно менялся и характер внутрисемейных отношений - происходил отход от модели авторитарно-патриархатных отношений к более демократичным и равноправным, как между супругами, так и между родителями и детьми. Изменение отношения к ребенку/детям выражалось в изменениях репродуктивного поведения супругов (репродуктивный период регулировался и сужался контрацептивными практиками, а количество детей снижалось до одного-двух), а главное - в становлении семьи детоцентристского типа²¹.

Семейная политика Советского государства эволюционировала в сторону ужесточения законодательства по пути "принудительной стабилизации семьи". Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня" и учреждении Ордена "Материнская слава" и медали "Материнство"» [22] вновь менял статус и конфигурацию и семьи, и внутрисемейных отношений. Он придавал правовое значение только зарегистрированным бракам (при этом всем лицам, вступившим в фактические брачные отношения в период с 1926 г. по 1944 г., *предписывалось* зарегистрировать брак, в противном случае брак объявлялся недействительным). Указ ужесточал процедуру развода: было введено обязательное судебное разбирательство с процедурой примирения в народном суде и решением дела по существу только в вышестоящей судебной инстанции; брак расторгался только в случае признания судом необходимости его прекращения; делам о разводе стала придаваться широкая огласка.

Указом также запрещалось установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака, что фактически вновь вводило понятие "незаконнорожденный", ибо дети, рожденные вне брака, не могли получить фамилию отца, даже если последний давал на это согласие. Ребенку присваивалась фамилия матери, а в свидетельстве о рождении (метрике) в графе "отец" - ставился прочерк. Как указывает исследователь семейного права М.В. Антокольская, "этот указ отбросил наше законодательство на столетие назад" [12, с. 77]. Таким образом, вся ответственность за внебрачную близость ложилась на женщину и впоследствии на ее ребенка. Государство снимало ответственность за внебрачного ребенка с отцов и перекладывало ее на матерей и частично на себя, обязавшись выплачивать ежемесячные пособия на каждого рожденного вне брака ребенка. Так решался вопрос воспроизводства населения в военные и послевоенные годы.

Эти изменения в законодательстве о семье выполняли одновременно две чрезвычайно важные и амбивалентные задачи в области семейной политики: первая, практическая задача, была связана со стимулированием рождаемости в условиях войны и ликвидацией демографического перекаса полов; вторая - идеологическая - с потребностью стабилизации общества и постулированием (введением) семейных норм жизни малой семьи.

Вторая задача была предельно важна, ибо в условиях войны, массовых миграций, эвакуации, плена, оккупации происходил распад семей, и государство путем ограничения разводов стремилось ограничить индивидуальные свободы и индивидуальную мобильность своих граждан. С другой стороны, в военных и послевоенных условиях реальной нехватки мужчин нормой повседневной жизни становилась материнская семья, поэтому было необходимо ввести в повседневность понятие "нормальной" семьи, состоящей из отца, матери и ребенка/детей. Понятие нормы семьи задавалось через конструирование понятия неполной семьи, через дискре-

дитацию фактических браков и материнских семей, введение в повседневную практику понятия "незаконнорожденный".

Третий период в истории советской социальной политики в отношении семьи начался после 1953 г. и продлился до распада СССР в 1991 г. Он характеризовался постепенным "смягчением" практик государственного нормирования семейных и внутрисемейных отношений. Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1954 г. была снята уголовная ответственность за подпольный аборт, а в 1955 г. разрешен аборт по медицинским и социальным показаниям. Тогда же, в 1955 г. отпуск по уходу за ребенком был увеличен и составил 56 дней до и 56 дней после родов, введен оплаченный больничный лист по уходу за заболевшим ребенком и т.д.

В таком виде законодательство о семье просуществовало вплоть до 1968 г., когда были приняты Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и республик. В 1969 г. с опорой на эти Основы в РСФСР был принят республиканский Кодекс о браке и семье²². Новое законодательство значительно упростило процедуру развода (через ЗАГС, в спорных случаях - через суд), узаконило аборт по личному выбору женщины, признало право установления отцовства в добровольном и в судебном порядке, подтвердило режим общей собственности для супругов, регулировало алиментные отношения.

В 80-х гг. были реализованы вполне "социал-демократические" меры в области социальной политики в отношении женщин-матерей: введены единовременные пособия на каждого ребенка, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до одного года, ряд производственных льгот работающим матерям. В течение 80-х - начала 90-х гг. был увеличен оплачиваемый до- и послеродовой отпуск до 70 дней (вместо 56), продлен до 1,5 лет частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, введен отпуск по уходу за ребенком с 1,5 до 3 лет без содержания, но с сохранением рабочего стажа (дающего право на пенсию) и рабочего места, а также ряд других протекционистских мер по защите и стимулированию материнства. Эти действия советского государства можно определить как реализацию варианта социал-демократической модели социальной политики [23, с. 35-37; 24, с. 86-87] с высоким уровнем занятости и низким уровнем бедности, универсальным правом всех граждан на государственное социальное обеспечение и протекционистскими мерами по защите интересов выделенных социальных групп (в данном случае - работающих матерей и несовершеннолетних детей).

Поводя итоги, укажем, что, начиная с середины 30-х гг., в нашей стране сложился особый подход к семье, который просуществовал вплоть до начала 90-х гг. Для этого подхода были характерны следующие черты: 1) семья понималась как важнейший институт советского общества, поэтому находилась под контролем государства и партии; 2) материнство рассматривалось как важная социальная и государственная функция женщин и поддерживалось государством морально и материально; 3) государство брало на себя львиную долю ответственности за воспитание, образование, охрану здоровья детей; 4) матери несли ответственность за семью и семейный быт; 5) матери несли ответственность за детей (за их здоровье, учебу, успешную социализацию).

Е. Здравомыслова и А. Темкина концептуализировали специфику описанных выше семейно-брачных отношений в рамках советской тендерной системы как базовый тендерный контракт "работающей матери" [25, 26]. В рамках этого контракта легализовалась "двойная" нагрузка на женщин-матерей, при этом государство предоставляло женщинам дополнительные "охраняемые" права, льготы и социальную инфраструктуру (оплаченные декретные отпуска, пособия на детей, разветвленная сеть доступных детских дошкольных и внешкольных учреждений и т.д.). Однако качество услуг в предлагаемых государством социальных службах, так же как и уровень развития производства товаров повседневного спроса, к 70-м гг. были низкими, не соответствовали требованиям складывавшегося "общества массового потребления". Матери вынужденно прибегали к помощи бабушек, соседок. Как указывает И. Тартаковская, "легитимный тендерный контракт подразумевал и других участников, помимо женщины и государства" [10, с. 54]. В советской семье, в силу недостаточности и низкой комфортности учреждений по дошкольному и внешкольному воспитанию детей, сложился очень значимый элемент легитимного тендерного контракта - институт бабушек. Как показывает исследование В.В. Семеновой, бабушки в советской семье выполняли не только роль воспитателей внуков, но и роли ретрансляторов семейной культуры и собственного культурного статуса [27, с. 326-354].

Легитимный тендерный контракт, несмотря на официальную политику гендерного равенства, порождал и воспроизводил "биологизаторский" подход к женской тендерной роли и никак не способствовал перераспределению гендерных ролей между супругами [24, с. 92-93; 28]. В советской семье, как и в доиндустриальной семье имперского периода, сохранялась гендерная асимметрия, но асимметрия не вполне традиционная, ибо главной и основной фигурой в советской семье стала мать. Женщина-мать отвечала не только за рождение, воспитание, обра-

зование и здоровье детей, но и за быт и психологический климат семьи. Одновременно она поддерживала семейное благополучие своей зарплатой, ибо в подавляющем большинстве семей зарплаты мужа не хватало для обеспечения всех семейных нужд [29, с. 49]. Сложился своеобразный треугольник, в центре которого были дети/ребенок, а на вершинах - женщина-мать, мужчина-отец и государство. При этом государство в большинстве случаев было более надежным партнером для матери, воспитывающей детей, чем их отец.

Семья в России на протяжении всего XX в., как и во всех модернизированных обществах, становилась детоцентристской и малодетной, что соответствует общемировой тенденции изменения репродуктивного и внутрисемейного поведения в индустриальных и постиндустриальных обществах [30, с. 22-23, 65-72, 124—132, 174—178, 246-251]. Модернизационные изменения в брачности и рождаемости происходили и происходят под влиянием развития и становления общества массового потребления, развития контрацептивной промышленности, а главное - женской эмансипации и изменения представлений о гендерных ролях в семье и обществе, стремления к эмоционально-интимной общности супругов.

С одной стороны, эти модернизационные влияния на семью и внутрисемейные отношения ведут к неустойчивости браков, снижению уровня брачности и рождаемости. Как указывает Т. Журженко, "...современная семья постиндустриального общества - это предприятие с неопределенным исходом, предполагающее имманентный конфликт интересов и гибкое перераспределение тендерных ролей; институт, все еще обеспечивающий функцию биологического воспроизводства и социализации детей, и в то же время все более зависимый от степени удовлетворения эмоциональных и психологических потребностей ее членов" [24, с. 145].

С другой стороны, существует и обратная тенденция, которую У. Бек назвал "ростом привлекательности супружеской общности" [31, с. 171], когда в условиях глобальной и локальной социальной нестабильности семья (не только гетеросексуальная) становится желанным местом стабильности и привязанности в море "безбрежного индивидуализма". Такая ситуация способствует росту ценности семейной жизни в постиндустриальных обществах. Россия в этом смысле не является исключением и эволюционирует в направлении разнообразия типов семьи, форм семейной жизни и внутрисемейных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Существует множество классификационных схем семейной организации. В данной работе используются следующие понятия: 1) малая или нуклеарная семья - супружеская пара или пара с детьми; 2) расширенная семья - супружеская пара с детьми и родственники, не находящиеся друг с другом в брачных отношениях; 3) составная семья - две и более супружеские пары с детьми и без.

² Р. Зидер указывает, что в семьях цеховых ремесленников, в отличие от крестьянских или рабочих, "социализация детей происходила не столько в интересах семьи, сколько [в интересах] сословия ремесленников и городского общества в целом" [2, с. 118].

³ Это чрезвычайно распространенное убеждение постоянно воспроизводится и транслируется не только исследователями семьи, но и представителями власти. Так, Е.И. Куприянова (заместитель руководителя Департамента по делам детей, женщин и семьи Минтруда РФ) утверждает, что "Семья является естественной и основной ячейкой общества, что подтверждено всем процессом развития человеческого сообщества" [3, с. 2].

⁴ Домохозяйство - единая хозяйственно-экономическая, социальная и психологическая структура, основанная на родственных отношениях и организованная вокруг одной семьи/семейной структуры.

⁵ В отечественной обществоведческой традиции семейные и общественные уклады, основанные на легитимности власти старшего мужчины в роду (патриарха), принято называть патриархальными. Одновременно "патриархальный" означает "старинный, верный обычаям, консервативный" [5, с. 450]. Для разведения разных значений этого слова, а также для подчеркивания существования патриархата как системы социальной организации и социальных отношений, в отечественных gender studies стали употреблять термин "патриархатный" [6, с. 390, 7, с. 171]. Кроме того, употребление "патриархатный" вместо "патриархальный" является категориальным указателем на иные (феминистские) дискурсивные практики и теории, ранее не использовавшиеся в отечественной науке.

⁶ Детоцентризм современных семей - во многом следствие индустриализации и модернизации, когда функция социализации детей перешла от широких социальных структур (род, община, цех, и т.д.) к семье, которая, в свою очередь, становилась малой (нуклеарной).

Ф. Арьес наглядно показал, как с конца XVII в. происходила институализация детства и организация семьи вокруг ребенка [8].

⁷ В имперский период в России существовали разные формы регистрации браков в зависимости от вероисповедания.

⁸ Первой провозгласила юридическое равенство полов Новая Зеландия в 1893 г., затем Австралия (1896 г.), Дания (1915 г.), Россия (1917 г.), Австрия (1918 г.), Германия и Нидерланды в 1919 г., США и Исландия в 1920 г., и т.д. В 1944 г. - Франция, в 1945 г. - Италия, а в 1948 - Бельгия.

⁹ Речь идет о широком спектре всеобщих (вне зависимости от пола) и специфически женских социальных гарантий и льгот, существовавших в СССР, таких как гарантированный доступ ко всеобщему среднему образованию, бесплатное высшее образование и гарантированное трудоустройство, помощь в получении профессионального образования, сеть государственных дошкольных и школьных учреждений, гарантированные и оплачиваемые больничные, отпуска по беременности, родам, и т.д.

¹⁰ До 1730 г. для развода было достаточно обратиться к приходскому священнику и получить от него разводное письмо. Однако с 1760-х гг. (когда РПЦ ощутила мощную поддержку государства) разводов было мало, ибо их количество жестко контролировалось церковью. После 1860-х гг. количество разводов начало расти, официальный развод был распространен в городской среде, среди крестьянства же практиковались несанкционированные церковью "самовольные разводы" [4, с. 174, 176].

¹¹ Уголовное уложение 1903 г. устанавливало уголовную ответственность за аборт для врача и матери. Но российское общество в целом склонялось к легализации аборт: "В 1910-е гг. только в Москве совершалось около 10 тыс. аборт в год. Менее 1% женщин, сделавших аборт, предстали перед судом, причем в 75% случаев они были оправданы. Эти факты говорят о том, что не только общество, но и правоохранительные органы стали снисходительно смотреть на аборты" [4, с. 181]. Об этом же пишет И. Мерненко [19, с. 10-154]. Н.Б. Лебина указывает, что к началу XX в. "в рабочей среде на искусственный выкидыш уже стали смотреть как на нечто весьма обыденное и притом доступное. В рабочих семьях по рукам ходят адреса врачей и акушерок, делающих аборты без всяких формальностей, по определенной таксе, не очень высокой" [14, с. 185].

¹² Уровень развития контрацептивной отрасли фармакологии был таков, что аборт был единственным доступным и надежным способом контроля над фертильностью.

¹³ Феминистские идеи в российской образованной среде были не просто известны, но и популярны; они были усвоены большинством образованных людей начала XX века наравне с другими демократическими и либеральными идеями.

¹⁴ Имперские правовые нормы, защищавшие имущественные права замужних женщин дворянского и городского сословия, в России были прогрессивнее гражданских законов стран Западной Европы, использовавших кодекс Наполеона. Однако женщина не имела личной свободы, могла осуществлять свои права до тех пор, пока не вступала в конфликт с мужем, не имела паспорта, не могла без согласия мужа наниматься на работу, выезжать за пределы своего города, и т.д. [16, с. 172-189].

¹⁵ Принятию КЗоБСО предшествовало всенародное обсуждение проблемных вопросов брака и семьи в массовой периодической печати.

¹⁶ В середине 20-х гг. среднее наказание за изнасилование не превышало двух с половиной лет тюремного заключения, 12% всех изнасилований приводили к условному приговору [18, с. 77].

¹⁷ В печати тех лет прослеживались разные стратегии презентации аборта: от широкого эмансипационного дискурса, через медицинский и демографический, вплоть до морального осуждения аборта как социальной практики репродуктивного поведения [16, с. 151-165].

¹⁸ В Ленинграде в 1931 г. искусственное прерывание беременности в больничных условиях стоило 18-20 рублей при средней заработной плате 80-100 рублей. Введение платы за аборт обусловило резкий скачок криминальных операций. Если в 1931 г. они составляли 7,1% к числу всех операций, то в 1934 г. уже превысили 15%. А в 1935 г. плата за аборт еще раз повысилась и в зависимости от доходов семьи колебалась от 25 до 300 рублей [14].

¹⁹ Если в 1928 г. 41,3% зачатий заканчивались абортами, то в 1934 г. - 72,6% [14].

²⁰ В этой связи показательно высказывание Г.М. Свердлова: "Советское государство оставляет за собой весьма значительную сферу прямого и активного вмешательства в семейные отношения. Оно отвергает взгляд на отношения между полами, как на отношения индивидуалистические, личные, нейтральные для общества и государства" [20, с. 58].

Петербургские социологи СИ. Голод и А.А. Клецин, анализируя становление и развитие типов моногамной семьи в России, указывают на 20-е гг., как на время формирования семьи детоцентристского типа [21, с. 9].

В 1969-1970-х гг. были разработаны и приняты семейные кодексы союзных республик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дармодехин С. В.* Семья и государство // Мониторинг социально-экономического потенциала семей. 2000. № 3.
2. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.). М., 1997.
3. *Куприянова Е.И.* О семейной политике в Российской Федерации - некоторые итоги реализации // Мониторинг социально-экономического потенциала семей. 2002. № 1.
4. *Мионов Б.Н.* Социальная история России (XVIII - начало XX вв.). СПб., 1999. Т. 1.
5. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994.
6. *С. Жеребкин.* Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. *И.А. Жеребкиной.* Харьков, СПб., 2001.
7. *Хасбулатова О.А.* Патриархатный тип государственной политики в отношении женщин // Словарь гендерных терминов. М., 2002.
8. *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.
9. *Смирнова ЕР.* Семья нетипичного ребенка: Социокультурные аспекты. Саратов, 1996.
10. *Тартаковская И.* Социология семьи и пола. Самара, 1997.
11. *Чуйкина С.* "Быт неотделим от политики": Официальные и неофициальные нормы половой морали в советском обществе 1930-1980-х годов // В поисках сексуальности: сборник статей / Под ред. *Е. Здравомысловой и А. Темкиной.* СПб., 2002.
12. *Антокольская М.В.* Семейное право. М., 1999.
13. Беседа с доцентом Российского государственного медицинского университета *ИВ. Силуяновой* (<http://www.r-komitet.narod.ru/zdravie/abort-Sil.htm>).
14. *Левина Н.Б.* В отсутствие официальной проституции // *Левина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. -40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994.
15. *Коллонтай А.* Положение женщин в эволюции хозяйства. Лекции, читанные в Университете имени Я.М. Свердлова. М., 1922.
16. *Рабжаева М.* Женская эмансипация как опыт конструирования тендера // Тендерные исследования. 2000. № 5.
17. Социальное обеспечение РСФСР к десятой годовщине октября // Антология социальной работы. М., 1994. Т. 1.
18. *Найман Э.* Чубаровское дело: групповое изнасилование и утопическое желание // Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино. СПб., 2002.
19. *Мерненко И.* Конструирование понятия аборта: дискуссия от разрешения к запрету (СССР, 1920-1936 годы) // Тендерные исследования. 1999. № 3.
20. *Свердлов Г.М.* О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1941. № 1.
21. *Голод СИ., Клецин А.А.* Состояние и перспективы развития семьи. СПб., 1994.
22. Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
23. *Григорьева И.А.* Социальная политика и социальное реформирование в России в 90-х гг. СПб., 1998.
24. *Журженко Т.* Социальное воспроизводство и тендерная политика в Украине. Харьков, 2001.
25. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальная конструкция тендера и тендерная система в России // Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. ст. СПб., 1996. Вып. 4.
26. *Rotkirch A., Temkina A.* The Fractured Working Mather and other New Gender Contracts in Contemporary Russia // Actia Sociologia. 1996.
27. *Семенова В.В.* Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Институт социологии РАН. М., 1996.
28. *Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др.* Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М., 1999.
29. *Айвазова С.* Гендерное равенство в контексте прав человека. М., 2001.
30. Семья в современном европейском обществе. М., 1996.
31. *Бек У.* Общества риска. На пути к другому модерну. М., 2000.